Санкт-Петербургский государственный университет

Восточный факультет

Кафедра японоведения

Выпускная квалификационная работа

студента IV курса отделения истории Японии

Женихова М. Б.

на тему «Христианство в Японии до середины XIX века»

Научный руководитель: Леленкова А. В.

Рецензент: Щепкин В. В.

Санкт-Петербург, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….3

ГЛАВА I. История христианской миссии в Японии до установления политики самоизоляции…….....6

1.1. Появление христианства в Японии……6

1.2. Даймё-христиане и посольство годов Тэнсё……...19

1.3. Христианство в годы правления Хидэёси……..23

ГЛАВА II. Христианство и политика самоизоляции…….32

ГЛАВА III. Значение начального периода распространения христианства в Японии……42

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….48

Список использованной литературы……50

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена начальному периоду распространения христианства в Японии. Хотя в целом этот процесс относится к периоду с 1549 (прибытие первых миссионеров) по 1639 год (прекращение связей с католическими странами), представляется целесообразным расширить хронологические рамки работы на время действия в Японии политики самоизоляции – сакоку (鎖国). Дело в том, что феномен «тайных христиан» и продолжавшиеся уже после закрытия страны репрессии в их отношении неразрывно связаны с предшествующим периодом.

Целью данной работы является обзор начального периода распространения христианства в Японии. Для достижения цели работы были поставлены следующие задачи: 1) освещение обстоятельств начала и развития деятельности христианской миссии в Японии; 2) определение факторов, влиявших на развитие христианства в Японии до середины XIX и оценка его значения для этого периода. Решение этих задач должно осуществляться на основе принципов историзма, объективности и комплексного подхода к проблеме.

Актуальность данной работы связана со сравнительно небольшим вниманием, которое до сих пор уделялось в отечественном японоведении ранней истории западного христианства в Японии. В то же время данная тематика освещена достаточно подробно в работах японских и западных авторов. Использование этих исследований позволяет представить комплексную картину существующих на сегодняшний день представлений о проблеме.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать её для подготовки методических материалов, спецкурсов по истории христианства в Японии.

Работа предполагает анализ существующей литературы по данной теме. При этом целесообразно использовать в равной степени публикации отечественных и англоязычных исследователей, а также отдельные работы на японском языке.

Большое значение для рассмотрения данной темы в историческом контексте имеют общие работы по истории Японии. Значительное внимание истории появления и распространения христианства в Японии уделено в одноименных работах («A history of Japan») Джорджа Сэнсома и Джеймса Мёрдока.

Важное место в историографии периода занимает издание «The Cambridge History of Japan», четвертый том которого посвящен, в том числе, и рассматриваемой теме. Коллективный труд японских и зарубежных исследователей представляет собой хрестоматийное издание, широко и разносторонне освещающее многие аспекты истории Японии.

Ценная информация, касающаяся темы работы, содержится в исследованиях, освещающих историю объединения Японии в XVI веке. В частности, интерес представляет переведенная на русский язык работа голландского исследователя Йеруна Ламерса «Японский тиран», посвященная Ода Нобунага (織田信長). Среди прочего, автор рассматривает взаимоотношения первого из объединителей Японии с европейцами и, в частности, миссионерами.

Работа Ахмеда Ахмедовича Искендерова «Тоётоми Хидэёси» содержит главу «Первые европейцы в Японии». Исследователь, опираясь на широкий круг источников и литературы, представляет комплексный взгляд на историю Японии второй половины XVI века и фигуру второго объединителя Японии.

Деятельность европейцев в Японии при первых сёгунах (将軍) Токугава (徳川) и установление режима изоляции страны рассмотрены в работе Нелли Федоровны Лещенко «Япония в эпоху Токугава».

Среди работ западных исследователей видное место занимает труд английского исследователя Чарльза Боксера «The Christian Century in Japan. 1549 – 1650», который выделяется подробным изложением фактов. С другой стороны, глубокий анализ христианства, как важного явления в культурной жизни Японии XVI-XVII веков, представлен в работе Джорджа Элисона «Deus destroyed».

Использование литературы на японском языке позволяет восполнить недостаток информации по отдельным аспектам в отечественной и англоязычной литературе. Работа Нагасима Сōитирō (長島総一郎) «Нихон си но нака но кирисутокё» (「日本史のなかのキリスト教」, «Христианство в истории Японии») содержит ценную информацию о результатах деятельности миссионеров, в частности, о переходе в христианство представителей знатных домов.

Вопросы взаимодействия христианства с традиционными религиозными учениями Японии рассмотрены в работе Эбисава Аримити (海老沢有道) «Нихон кириситан си» (「日本キリシタン史」, «История японского христианства»).

Работа состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Основная часть разделена на три главы.

ГЛАВА I. История христианской миссии в Японии до установления политики самоизоляции

1.1. Появление христианства в Японии

Начало христианской миссии в Японии связано с именем Франциска Ксавье (1506 – 1552). Он был одним из ближайших сподвижников Игнатия де Лойолы, которые участвовали в основании в 1534 году Общества Иисуса (Ордена иезуитов). Одной из основных целей этой новой организации в рамках Католической церкви была проповедь христианства. В 1540 году король Португалии Жуан III поставил Ксавье во главе группы миссионеров, которая направлялась в Индию. В 1541 году римский папа Павел III назначил Ксавье папским легатом (представителем) в португальской Ост-Индии. В 1542 году Ксавье начал работу в Гоа[1].

По мере распространения торговли европейцев в Азии, расширилась и сфера деятельности миссионеров. Ксавье продолжил свою деятельность в пунктах португальской торговли на полуострове Малакка, Молуккских островах, Филиппинах. В одной из этих португальских факторий Ксавье встретился с японцем Ядзирō (ヤジロウ), который был тесно связан с пиратами вакō (倭寇). Принявший крещение с именем Пауло де Санта Фе (Paulo de Santa Fe) Ядзирō выступал в качестве проводника и переводчика Ксавье в его путешествии в Японию. В июне 1549 года Ксавье прибыл в порт Кагосима (鹿児島) в провинции Сацума (薩摩) на китайской джонке, принадлежавшей еще одному вакō, китайцу по имени Аван.[2] Кроме Ядзирō, Ксавье сопровождали два его сподвижника – Косме де Торрес (Cosme de Torres) и Хуан Фернандес (Juan Fernandez)[3].

---

[1] Католическая энциклопедия. Том 4. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. – С. 1847.
[2] The Cambridge History of Japan. Volume 4. Early modern Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 303.
[3] Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984. – С. 162.

Если торговля с европейцами лишь поверхностно затрагивала жизнь широких слоев населения Японии, то деятельность миссионеров предполагала более интенсивное взаимодействие. В условиях слабости центральной власти в Японии периода сэнгоку дзидай (戦国時代)[4], большое значение приобретали личные взаимоотношения с каждым конкретным даймё[5].

Кагосима, отправной пункт пребывания Ксавье в Японии находился во владениях даймё Симадзу Такахиса (島津貴久). С XIV в. глава рода Симадзу занимал пост сюго (守護, военный губернатор) в трех провинциях на юге острова Кюсю – Сацума, Ōсуми (大隅) и Хюга (日向). Тем не менее, позиции рода в рассматриваемый период были не столь прочны, и Симадзу Такахиса приходилось вести борьбу с непокорными вассалами. Возможность использовать огнестрельное оружие, которое впервые в Японии появилось именно во владениях Симадзу, была очень кстати. Сохранились письменные свидетельства такого использования в 1554 году[6].

Неудивительно, что и прибытие миссионеров было воспринято благосклонно. Укрепление связей с европейцами сулило экономическое и военное преимущества перед противниками. Миссионеры, в свою очередь, выступали в качестве посредников между местными властями и европейскими торговцами. Франциска Ксавье Симадзу Такахиса встретил с почетом, предоставил ему резиденцию и разрешил проповедовать новую для Японии религию. Ксавье удалось обратить в христианство более ста человек. Однако спустя примерно год после прибытия миссионеров в Кагосима дальнейшее обращение в христианство было запрещено. Причиной тому было то, что торговцы предпочитали другие гавани, преимущественно Хирадо (平戸) на

[4] Сэнгоку дзидай («Период воюющих провинций») – продолжавшийся с 1467 по 1573 год период политического хаоса и междоусобных войн в Японии.
[5] Даймё - крупные военные феодалы.
[6] The Cambridge History of Japan. Op. cit. – P. 305.

севере Кю̄сю̄. Ксавье был вынужден покинуть Сацума и также перенес свою деятельность в Хирадо[7].

Желая получить санкцию своей деятельности от верховной власти и побеседовать с учителями буддийских школ, Ксавье отправился в Киото. Его путь пролегал через северную часть Кю̄сю̄. Этот регион был ареной противостояния двух других сильнейших самурайских домов Западной Японии – Ōтомо (大友) и Ōути (大内). Ксавье удалось установить благоприятные отношения и с Ōтомо Ёсисигэ (大友義鎮), и с Ōути Ёситака (大内義隆). Особых успехов Ксавье добился после возвращения из Киото (京都)[8].

Первоначальные цели путешествия в столицу Японии не могли быть достигнуты в силу своего утопического характера. Ксавье надеялся обратить в христианство «короля Японии» и сёгуна и таким образом открыть путь к христианизации всей страны. Только прибыв в Киото, Ксавье осознал масштаб ошибочности своих представлений о японских властях.

Главным препятствием было даже не столько отсутствие у миссионера достаточно высокого статуса, сколько плачевное положение центральной власти. В правление императора Го-Нара (後奈良) (1526 – 1557) двор находился в таком упадке, что церемония вступления на трон была проведена только в 1536 году из-за нехватки средств. Сёгун Асикага Ёсифудзи (義藤足利) вовсе был вынужден противниками бежать из Киото в 1549 году и искать убежища у разных даймё вплоть до 1559 года. Ксавье прибыл в Киото в январе 1551 года и не смог встретиться ни с сёгуном (так как его местонахождение было неизвестно), ни с императором (так как у миссионера не нашлось соответствующих подарков). Заинтересовать проповедями жителей Киото также не удалось. Через одиннадцать дней после прибытия Ксавье отправился в обратный путь[9].

---

[7] The Cambridge History of Japan. Op. cit. – 310.
[8] Ibid. – P. 311-312.
[9] Искендеров А. А. Указ. соч. – С. 163.

Тем не менее, из поездки в Киото Ксавье вынес ценные уроки. Он лично убедился в том, что реальная власть в стране принадлежала региональным правителям. Обращаясь к ним, нужно было подкреплять свои слова подарками и перспективами развития торговли.

Ко времени возвращения в западные провинции Японии, Ксавье также улучшил свое знание японского языка. Это позволило ему, в частности, переоценить свои представления о религии японцев. До этого миссионер полностью полагался на те сведения, которые сообщил ему Ядзирō. Сведения были не вполне достоверны и, в любом случае, не отражали весь спектр учений, распространенных в Японии. Это привело к неоправданному отождествлению христианских и буддийских понятий. В частности, известно, что в первое время пребывания в Японии Ксавье использовал для перевода христианского понятия «Бог» имя «Дайнити» (大日). «Дайнити» – японское имя Будды Махавайрочаны, возглавляющего пантеон японской буддийской школы Сингон (真言). Вероятно, с точки зрения Ядзирō это была наилучшая аналогия христианскому понятию. Поначалу подобная адаптация способствовала распространению христианства. В глазах многих своих собеседников миссионер проповедовал еще одну версию буддизма. Подкреплялось это мнение и тем фактом, что Ксавье прибыл из Индии, которая была известна в Японии, как Тэндзику (天 竺), родина Будды. Однако сам Ксавье, впоследствии осознав свою ошибку, был крайне раздосадован начал объяснять японцам, что представление о Дайнити ложно. Он стал использовать вместо него латинское слово Deus, а буддийское духовенство стало искажать термин, толкуя его, как «дай усо» (大嘘) – «великая ложь»[10]. В течение первых десятилетий своей работы в Японии миссионеры широко

[10] Elison G. Deus destroyed: the image of Christianity in early modern Japan. Cambridge: Harvard University Press, 1973. – P. 36.

использовали в переводах своих проповедей на японский язык неологизмы из португальского языка и латыни[11].

После возвращения из Киото Ксавье вновь встретился с Ōути Ёситака. На этот раз он привез ему письма от губернатора и епископа из Гоа и ценные подарки. Это произвело ожидаемый эффект. Даймё публично разрешил проповедь и обращение в христианство во всех своих владениях. Это было серьезным достижением. На тот момент владения «короля Ямагути», как его называет Ксавье, занимали полностью или частично территорию десяти провинций. Ёситака предоставил миссионерам пустовавший буддийский монастырь, который стал центром их деятельности. Несмотря на противодействие буддийского духовенства, в течение нескольких месяцев около пятисот человек, включая представителей знатных домов, были обращены в христианство[12].

В сентябре 1551 года Ксавье отправился в провинцию Бунго (豊後), узнав о прибытии туда португальского корабля. После успешной встречи с Ōтомо Ёсисигэ в Фунаи (府内), Ксавье покинул Японию. Он решил вернуться в Индию. По некоторым данным, в его планах была миссионерская деятельность в Китае, так как в случае успеха там, он надеялся придать больший авторитет христианству и в Японии. Его сопровождали два японца. Известны только их христианские имена – Бернардо и Матиас. Ксавье хотел подкрепить свои просьбы о финансировании миссионерской деятельности наглядным доказательством ее успехов. С этой целью он незадолго до своей смерти в 1552 году решил отправить обоих учеников в Европу. Однако Матиас умер еще в Гоа и в Португалию отправился только Бернардо. Прибыв в Лиссабон в сентябре 1552 года, он стал первым известным японцем, посетившим Европу. В 1555 году Бернардо побывал в Риме, где встретился с

[11] The Cambridge History of Japan. Op. cit. – P. 307-310.
[12] Ibid. – P. 313.

основателем ордена иезуитов Игнатием Лойолой. Однако ему не удалось вернуться в Японию, и в 1557 году он умер в Португалии[13].

Кроме того, Ксавье сопровождали на обратном пути в Гоа посланники от Ōтомо Ёсисигэ к португальскому вице-королю Индии, которые должны были договориться о торговле.[14]

Пребывание Франциска Ксавье в Японии, продолжавшееся около двух лет, было весьма успешным. Покидая Японию, он оставил общины в Кагосима, Хирадо, Бунго и Ямагути (山口) и около двух тысяч последователей[15].

Центром деятельности иезуитов стал Фунаи в провинции Бунго. Местный даймё, Ōтомо Ёсисигэ, оказался наиболее последовательным покровителем христиан в Японии. При посредничестве миссионеров Ёсисигэ получал выгоду от европейской торговли. Со своей стороны, он оказал им содействие в установлении контактов с центральной властью.

Несколько хуже обстояли дела в Ямагути. Ксавье там приняли хорошо и Оути был впечатлен, как достоинством проповедника, так и его подарками. Однако здесь имело место и противодействие со стороны последователей буддийских школ. При этом местные последователи школы Нитирэн-сю̄ (日蓮宗) были более агрессивны, чем приверженцы школы дзэн (禅).[16]

После возвращения в 1552 году в Гоа, Ксавье в своем донесении властям высоко оценил перспективы миссии в Японии. Он настоял на незамедлительной отправке в Японию нескольких миссионеров. Те, в свою очередь, следуя традиционной для иезуитов тактике, стремились заручиться поддержкой властей и высших слоев общества. С этой целью они предприняли особые усилия для распространения своей деятельности на столичный регион. С другой стороны, ставка на личные контакты с властями, которую с самого

[13] Donald F. L. Asia in the Making of Europe. Volume 1. The Century of Discovery. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – P. 672.
[14] Sansom G. A history of Japan. Vol. 2. London: The Cresset Press, 1961. – P. 264.
[15] Искендеров А. А. Указ.соч. – С. 165.
[16] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 265.

начала делали миссионеры, имела свои недостатки. В условиях политической нестабильности смена власти была слишком частым явлением.

Первой иллюстрацией этого стали события во владениях Ōути Ёситака. В 1551 году, вскоре после отъезда Ксавье из Ямагути, Ёситака был вынужден совершить самоубийство в результате мятежа вассалов. Его владения распались, а в ходе вооруженной борьбы за власть в регионе, в 1557 году здания, переданные иезуитам, были конфискованы[17].

К 1560 году в Японии было всего 6 иезуитов, приехавших в страну после Ксавье. Однако им удалось уже в первые годы своего пребывания добиться определенных успехов. При этом большинство обращенных на первом этапе были бедными крестьянами в западной части страны.[18]

В 1559 году один из находившихся тогда в Японии иезуитов, Гаспар Вилела (Gaspar Vilela), направился в Киото. Преодолев немало препятствий, он смог в конце концов в 1560 году встретиться с сёгуном Асикага Ёситэру (足利義輝) (все тем же Ёсифудзи, который сменил имя после возвращения в Киото). Сёгун издал указ, согласно которому миссионеры освобождались от уплаты налогов, и никто не должен был мешать их деятельности или каким-либо образом притеснять их. Причины такого благоприятного решения неясны. С одной стороны, очевидно, сыграла протекция со стороны Ōтомо. Однако не стоит недооценивать и роль самого Вилела. Его появление в Киото произвело большое впечатление, а начальник охраны сёгуна принял христианство. В любом случае, издание указа было большим успехом для миссии. Вилела получил возможность свободно перемещаться и проповедовать в столице вместе со своим спутником, Лоренцо – японцем незнатного происхождения – слепым музыкантом бива-хōси (琵琶法師). Вскоре проповедники стали известны не только в Киото и его окрестностях,

[17] The Cambridge History of Japan. Op.cit. – P. 315.
[18] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 264

но и в Сакаи (堺) и Нара (奈良). Число обращенных в христианство росло, особенно среди воинов[19].

Успех подтолкнул Вилела к тому, чтобы запросить в Гоа помощников, но вскоре в Киото вспыхнул военный конфликт. Проповедники не могли продолжать свою деятельность в столице и были вынуждены в конце 1560 года временно уехать в Сакаи. Здесь он был в безопасности, но его проповедь не пользовалась успехом среди жителей торгового города. Хотя порядок в Киото восстановился достаточно быстро, миссионер смог вернуться в столицу только в 1563 году. По прибытии он столкнулся с противодействием со стороны буддийского духовенства, представители которого требовали от властей изгнания миссионеров и даже угрожали насилием. Однако их требования были отвергнуты. В течение первых нескольких лет деятельности Вилела в столичном регионе в окрестностях Киото были построены несколько небольших церквей. В 1564 году к Вилеле присоединились ещё двое миссионеров, присланных по его просьбе из Гоа. Одним из них был Луиш Фроиш (Luis Frois), которому было суждено стать важной фигурой в истории христианской миссии в Японии. К этому времени в Японии было уже 12 иезуитов. В основном их деятельность была сосредоточена в Бунго, где обращенных было очень много.

Вилела встречался с сёгуном Ёситэру ещё несколько раз. В 1565 году он вместе с Фроишем присутствовал на новогоднем приёме у правителя. Однако летом того же года Ёситэру был убит. После этого буддийские монахи добились того, что император издал указ об изгнании миссионеров из столицы. Вилела и Фроиш с помощью последователей-японцев смогли добраться до Сакаи и избежать грозившей им опасности. Здесь можно было дожидаться возможности для возвращения и быть в курсе всех новостей.

Запрет был тяжелым ударом для иезуитов и Вилела вернулся на Кю̄сю̄. Фроиш остался работать в Сакаи, пользуясь поддержкой местных христиан.

[19] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 291-292.

Сохранились сведения о том, что на Рождество 1567 года он пригласил людей из двух воевавших друг с другом армий на праздник. Приглашение было принято многими воинами и гости уходили со словами: «Мы братья во Христе». Впрочем, как отмечается, это не помешало им на следующий же день возобновить ожесточенные сражения.

В начальный период работы Вилела в столичном районе ряд воинов приняли христианство. Часть из них были обычными буси (武士), но были и люди знатного происхождения. Одним из самых заметных среди них был Такаяма Томотэру (高山友照) из Сэтцу (摂津). В 1564 году он обратился, уступив Вилеле в диспуте, который сам же и инициировал. Такаяма пригласил миссионера в свой замок, где и крестился вместе с женой и детьми. Сам Такаяма получил в крещении имя Дариу (Dario), а его десятилетний старший сын – Жушту (Justo). Последний стал известен впоследствии, как Такаяма Укон (高山右近).

У Такаяма-старшего был старший брат – Вада Корэмаса (和田惟政), занимавший высокий пост в провинции Оми (近江). Он оказал важные услуги Ода Нобунага в его походах. Такаяма попросил брата походатайствовать перед Нобунага о возвращении миссионеров в Киото. В конце весны 1569 года Фроиша пригласили к Нобунага, который незадолго до того прибыл в столицу вместе с сёгуном Асикага Ёсиаки (足利義昭). Ёсиаки также был обязан Вада Корэмаса. Аудиенция произошла на мосту через ров у строящегося замка Нидзё (二条城). Нобунага наблюдал за работой и был в хорошем настроении. Ему понравились ответы Фроиша на вопросы о цели прибытия. Миссионер говорил уважительно и прямо, высказав критику в адрес буддиийских монахов. Нобунага велел Вада показать Фроишу замок и затем тепло попрощался с ним. Вскоре Вада отвел Фроиша на прием к сёгуну Ёсиаки, и после этого Фроиш получил разрешение на проповедь своего учения в Японии.

Решение вызвало большое сопротивление со стороны буддийского духовенства в Киото, которое настаивало на отмене указа и изгнании проповедников. Вада был обеспокоен, так как буддийские монахи вновь обратились к императору. Поэтому он организовал еще одну встречу Фроиша с Нобунага, который вновь принял миссионера благосклонно. В ответ на просьбу о защите, Нобунага спросил о причинах вражды со стороны монахов. Фроиш заявил, что всему виной его обличения пороков, которые царят в среде монахов. В ходе аудиенции один из присутствовавших монахов, Асаяма Нитидзё̄ (朝山日乗) не вытерпел и начал резко возражать миссионеру. Среди прочего он пригрозил отрубить голову сопровождавшему Фроиша Лоренцо, чтобы доказать отсутствие у человека души. Однако находившийся в свите Нобунага Тоётоми Хидэёси (豊臣秀吉) связал разбушевавшегося монаха, а последовавший за тем диспут завершился в пользу Фроиша. В итоге данное миссионерам разрешение на проповедь осталось в силе[20].

Ода Нобунага оставался благосклонен по отношению к христианам до конца своей жизни, которая продолжалась ещё 13 лет. При этом его мотивация не была религиозной. Об этом свидетельствует в своем сочинении «История Японии» Луиш Фроиш. По словам португальца, первый из объединителей Японии «твердо считал, что нет ни Бога, ни бессмертия души, ни вечной жизни»[21]. Разумеется, то, что с точки зрения христианства было практически атеизмом, вовсе не исключало определенные религиозные взгляды. Тем не менее, очевидно, что вопросы религии Нобунага воспринимал через призму политической целесообразности. Христианство он рассматривал в качестве вспомогательного средства в ожесточенной борьбе с буддийскими монастырями, которые противостояли его власти. Фроиш среди прочего описывает диспуты между миссионерами и буддистами, проходившие в присутствии Нобунага. По его словам, христианские проповедники

[20] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 293-294.
[21] Цит. по: Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010. – С. 30-31.

использовали достижения европейской науки, чтобы показать невежественность оппонентов, что очень нравилось Нобунага. Сам Луиш Фроиш, проживший в Японии 34 года, пользовался личным расположением Нобунага и некоторое время жил в его резиденции в Гифу (岐阜)[22].

Спустя 10 лет после первой встречи Фроиша и Нобунага, Такаяма Укон унаследовал от своего отца земли и замок в Такацуки (高槻). Число обращенных в христианство в его владениях достигло 8 тысяч человек – трети от всего населения. Общее число христиан в центральной Японии в это время достигло 15 тысяч человек, а в крупных городах были построены церкви. Новые сотрудники миссии иезуитов, прибывавшие в столицу, также получали аудиенцию у Нобунага. Среди них наиболее известны Франсишку Кабрал (Francisco Cabral) и Гнекки Органтино (Gnecchi Organtino).

Благоприятное отношение Нобунага способствовало распространению христианства. Помимо неприязни властей к некоторым буддийским школам, играло свою роль и состояние японского буддизма в тот период. В поисках объяснения росту числа обращенных не только на западе Японии, но и в столичном районе, исследователи указывают на сравнительный упадок, в который пришли почти все школы японского буддизма к концу периода Муромати[23].

К моменту смерти Нобунага в 1582 году, в Японии насчитывалось до 200 церквей и до 150 тысяч последователей[24]. Важным фактором такого впечатляющего роста стал приезд в Японию в 1579 году Алессандро Валиньяно (Alessandro Valignano, 1539 – 1606). Неаполитанец по происхождению, Валиньяно в 1566 году вступил в орден иезуитов, а уже в 1573 году генерал ордена поручил ему возглавить деятельность иезуитов в

[22] Ламерс Й.П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия 2012 г. – С. 196-200.
[23] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 294.
[24] Искендеров А. А. Указ. соч. – С. 166.

странах Азии. Деятельность Валиньяно в Японии была продуктивной и разносторонней. Он решил финансовые проблемы миссии, упрочив торговлю с Макао и обеспечив отчисления в пользу миссии с получаемой прибыли. Еще более важной была проведенная им реорганизация работы миссии[25].

Препятствием для миссии в этот период было скорее не внешнее сопротивление, а неготовность миссионеров к работе в новой для себя культурной среде. Последовавшие по стопам Ксавье миссионеры столкнулись с трудностями во взаимодействии с высокоразвитой и при этом совершенно незнакомой им культурой. В ряде случаев это приводило их к пессимистичным заключениям о присущих японцам от природы чертах. Франсишку Кабрал, который был главой миссии в важный период ее формирования в 1570 – 1581 годах, не принимал японских обычаев и пытался привить японским христианам европейские манеры. Кабрал считал, что японцы слишком горды и неискренни, и поэтому с ними трудно иметь дело. Для него была сама собой разумеющейся необходимость для японцев адаптироваться к мировоззрению европейцев, а не наоборот. Показательным было отношение Кабрала к тем немногим японцам, которым было позволено вступить в орден в статусе братьев (порт. irmão; яп. ируман, イルマン). Они находились в подчиненном положении и не имели перспектив продвижения по иерархической лестнице. Они были ограничены в возможности изучать португальский, так как им не доверяли секретов ордена. Неудивительно, что некоторые из них впоследствии стали критиками христианства[26].

Валиньяно был сторонником адаптации проповеди и всей деятельности миссии к традициям окружавшего миссионеров общества. Франсишку Кабрал был освобожден от должности и заменен Гаспаром Коэльо (Gaspar Coelho). При новом руководстве структура персонала миссии была организована по образцу дзэн-буддийских школ. Валиньяно настаивал на изучении

[25] Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. М.: Наука, 2005. – С. 196.
[26] Elison G. Op. cit. – P. 15.

миссионерами японского языка и культуры. Внешне культурная адаптация выражалась в том, что миссионеры, подобно буддийским монахам, носили одежды шафранного цвета. Иезуиты начали использовать буддийскую терминологию для передачи на японском языке христианских понятий. «Хотокэ» (仏, «Будда») – использовалось как синоним Бога; «Дзёдо» (浄 土, «Чистая земля») – для обозначения христианского рая; «Буппō» (仏 法 , «Дхарма») – в качестве аналога понятий «закон божий», «религия»; «сō» (僧, «буддийский монах») – как название христианских священнослужителей[27].

Общины христиан или «кириситан» (キリシタン, 切支丹 – от порт. cristão), как их называли в Японии, организовывались по тому же образцу, что и в других сплоченных религиозных движениях того времени, таких как школа Нитирэн или школа Чистой земли. В период политических потрясений люди искали поддержки в чувстве солидарности, объединявшем членов общины. Привлекательными были и понятие равенства людей перед Богом, идеалы благотворительности. В условиях недостатка духовенства, важную роль в организации общин играли помощники-миряне – дōдзюку (同宿) и камбō (看坊[28].

Эти две категории выделяются по следующим признакам. Первые не вступали в брак, посвящая всю свою жизнь проповеди и часто переходя с места на место. Вторые выступали постоянными лидерами конкретных общин христиан в отсутствие священников и совмещали свое служение с семейной жизнью. В условиях недостатка священников, помощники-миряне брали на себя часть их функций – проводили воскресные собрания, крестили, принимали исповедь у умирающих и т.д. Примечательно, что для обозначения обеих категорий были заимствованы буддийские термины, обозначавшие низшие ступени иерархии. С 1580 по 1603 год число дōдзюку выросло со 100

[27] Китагава Дж. Указ. соч. – С. 191-192.
[28] Там же. – С. 192.

до 284 человек. Заметную роль среди катехизаторов играли женщины. Сохранились упоминания более двух десятков их имен[29].

Таким образом, уже в первые десятилетия присутствия миссии в Японии её деятельность принесла заметные результаты. Несмотря на ограниченное число сотрудников, происходило активное распространение христианства. При этом значительное внимание уделялось налаживанию контактов с властями. Эти отношения использовались и для распространения влияния, и для защиты от противодействия недоброжелателей. С другой стороны, происходили организация общин верующих, привлечение местных кадров на низовые должности в церковной иерархии и первоначальная адаптация проповеди к местным условиям.

1.2. Даймё-христиане и посольство годов Тэнсё

Начиная с Ксавье, миссионеры стремились установить тесные связи с местными властями на острове Кюсю, который был центром их деятельности. Наибольшего успеха они добились во взаимоотношениях с Ōтомо Ёсисигэ (1530 – 1587; также известен, как Ōтомо Сōрин, 大友宗麟). В результате успешной борьбы с домами Мōри (毛利), Рюдзōдзи (龍造寺), Акидзуки (秋月) и Татибана (立花), он сумел распространить свою власть на половину острова Кюсю. Помимо Бунго, в сфере его влияния в той или иной степени были провинции Будзэн (豊前), Тикудзэн (筑前), Тикуго (筑後), Хидзэн (肥前), Хиго (肥後) и Хюга, а также часть провинции Иё (伊予) на острове Сикоку (四国). Неудивительно, что миссионеры возлагали большие надежды на обращение в христианство самого даймё.

На Рождество 1575 года второй сын Ōтомо был крещён с именем Себаштьян (Sebastião). Летом 1578 году Кабрал крестил самого даймё с

[29] The Jesuits II: Cultures, Sciences, and the Arts, 1540-1773. Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 640-643.

именем Франсишку. Японские хроники связывали последовавшее вскоре поражение от Симадзу в битве при Мимигава (耳川) с неверностью Ōтомо исконной религии. Татибана Дōсэцу (立花道雪), один из союзников Ōтомо, в своем послании его вассалам винил в неудаче внутренние проблемы. Они в свою очередь, по его мнению, произошли из-за распространения во владениях Ōтомо «индийской секты» и уничтожения местных святилищ. После поражения в Бунго усилились антихристианские настроения, связанные со старшим сыном даймё – Ōтомо Ёсимунэ (大友義統). Хотя незадолго до смерти отца в 1587 году последний крестился с именем Конштантину (Constantino), он отступил от новой веры сразу после издания в том же году эдикта Хидэёси[30].

Другим важным союзником иезуитов стал Ōмура Сумитада (大村純忠, 1533 – 1587). Он крестился в 1563 году с именем Бартоломеу (Bartolomeo) под влиянием убеждений миссионеров Косме де Торреса и Луиша де Алмейды, став первым даймё-христианином. Взамен он получил значительные выгоды от торговли с португальцами, которая сконцентрировалась в Нагасаки (長崎) в его владениях. К 1579 году во владениях Ōмура было 40 церквей и 50 или 60 тысяч христиан. Обращение было принудительным, так как в 1574 вышел указ даймё, который обязывал все население принять христианство. Отказавшиеся должны были покинуть его владения. Кроме того, в соответствии с указом разрушали буддийские и синтоистские храмы. Когда позднее даймё потерпел ряд военных неудач в борьбе с Рюдзōдзи Таканобу (龍造寺隆信) и был вынужден признать свое зависимое положение, он передал в 1580 году Нагасаки с окрестностями во владение ордену иезуитов. Официальная передача ордену территории «навечно» была закреплена письменным документом подписанным самим даймё и его наследником, Ōмура Ёсиаки (大村喜前) – в крещении Саншу (Sancho). Таким образом, Ōмура избежал перехода контроля над португальской торговлей к Рюдзōдзи и сохранил

[30] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 340-341.

собственные выгоды. Управление Нагасаки со стороны иезуитов не было формальным, так как они собирали налоги, осуществляли контроль над торговлей, укрепляли оборону города, выносили судебные решения. Представители Ōмура собирали только торговые пошлины. Подчеркивалось их невмешательство в вопросы управления территорией. После смерти Ōмура Сумитада в 1587 году, владения дома оставались оплотом христианства. Это продолжалось до 1606 года, когда Ōмура Ёсиаки вернулся к буддийским убеждениям и изгнал миссионеров из своих земель.

Ещё более яркой иллюстрацией тесной связи положения миссии с политической ситуацией является история обращения в христианство дома Арима (有馬). В 1563 году глава дома, Арима Ёсисада (有馬義貞) разрешил миссионерам проповедь в своих владениях, надеясь на перенос португальской торговли в местную гавань в Кутиноцу (口之津). Надежды не оправдались и поначалу обращенных было немного. Однако впоследствии он лично принял христианство в 1576 году с именем Андре (Andre), так как Гаспар Коэльо посулил ему помощь европейцев в борьбе с Рю̄дзо̄дзи. С 8 апреля по 15 сентября 1576 года в Арима были крещены 8 тысяч человек. Всего за первый год крестилось по оценке Кабрала около 15 тысяч человек. Вполне естественно, что такое массовое обращение было формальным и не способствовало искреннему принятию христианских убеждений. После смерти Ёсисада в 1577 году, его наследник, Арима Харунобу (有馬晴信) резко изменил политику, начав преследования христиан. Последовало массовое отступление, и к 1578 году в Арима христианство практически исчезло. Однако оказавшись в сложном положении в ходе конфликта с Рю̄дзо̄дзи и внутренними противниками, в марте 1580 года Харунобу резко изменил политику. Он крестился с именем Протасиу (Protasio) в надежде на поддержку со стороны Ōмура и иезуитов. Помощь была оказана в виде поставок свинца и селитры в его осажденную крепость. Впоследствии Харунобу оставался сторонником христианства до своей смерти в 1612 году. Его наследник, Арима

Наодзуми (有馬直純), хотя и был в детстве крещен с именем Мигель (Miguel), заняв место отца, начал преследование христиан[31].

В ходе своего первого приезда в Японию Валиньяно организовал первый официальный визит японцев в Европу, получивший в японской историографии название посольства годов Тэнсё̄ (天正). В этом ему оказали поддержку Ōтомо Ёсисигэ и другие даймё̄-христиане – Арима Харунобу и Ōмура Сумитада. Была подготовлена поездка двоих учеников знатного происхождения из семинарии в Арима – Итō Манцио (伊東マンショ) и Тидзива Мигеля (千々石ミゲル), а также в качестве их помощников, Накаура Джулиана (中浦ジュリアン) и Хара Мартинью (原マルチノ). Португальский корабль с посольством вышел из Нагасаки в феврале 1582 года. В сопровождении Валиньяно они добрались до Макао, где учились в течение нескольких месяцев, ожидая муссона. Затем в конце 1582 года они отплыли в Малакку и после непростого путешествия прибыли в Гоа, где Валиньяно их покинул. Отправившись из индийского порта Кочин в сопровождении трех других португальских судов, они наконец добрались до Лиссабона спустя три года после начала путешествия. По дороге в Мадрид они везде встречали хороший прием, а по прибытии в столицу получили аудиенцию у короля Филиппа II, который тогда объединил под своим правлением Испанию и Португалию и был самым могущественным монархом Европы. Король принял их с почетом, и затем они на испанском корабле отправились в Италию. Там они сначала посетили Флоренцию, а после этого прибыли в Рим[32].

Вопреки нежеланию иезуитов, папа римский Григорий XIII настоял на пышной церемонии. Японцы в национальных костюмах верхом на лошадях въехали в составе торжественной процессии в Ватикан. Посланцы были приняты в Апостольском дворце, и папа тепло поприветствовал

[31] The Cambridge History of Japan. Op. cit. – P. 333.
[32] Brown J. Courtiers and Christians: The First Japanese Emissaries to Europe // Renaissance Quarterly, Vol. 47. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – pp. 880-883.

представителей страны, которая, как казалось, была на пути к христианизации. Главе Католической Церкви был передан подарок от Ода Нобунага – расписная ширма. Прибытие посольства произвело сенсацию в Европе[33].

Столь очевидное доказательство успеха иезуитов принесло им значительную награду – Григорий XIII предоставил ордену исключительные права на ведение миссионерской деятельности в Японии пообещал ежегодную субсидию. Посольство задержалось в Риме из-за смерти папы и выборов его преемника. Сменивший на папском престоле Григория XIII Сикст V в 1588 году учредил епархию в Фунаи. Первым японским епископом стал Себаштьян де Мораиш (Sebastião de Morais)[34].

В Японию посольство вернулось только летом 1590 года. Первое путешествие японцев в Европу и обратно заняло восемь с половиной лет. В глазах европейцев оно представляло собой триумф деятельности миссионеров. Однако в самой Японии в это время происходили значительные политические перемены. Вскоре после начала посольства, в том же 1582 году, Ода Нобунага, преданный своим вассалом Акэти Мицухидэ (明智光秀), совершил сэппуку (切腹). Пришедший к власти Тоётоми Хидэёси не был столь же благосклонен к деятельности миссионеров, как его предшественник, и при нем произошли первые преследования христиан.

1.3. Христианство в годы правления Хидэёси

Хидэёси особо не интересовался христианством, но тем не менее благосклонно воспринял просьбу иезуита Органтино разрешить постройку церкви рядом с новым замком Ōсака (大阪城) и даже сам выбрал для этого место. Такаяма Укон, ставший одним из приближенных Хидэёси, помог миссии построить церковь, которая была открыта на Рождество 1583 года,

[33] Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 186-192.
[34] Китагава Дж. Указ. соч. С. 196.

вскоре после окончания постройки замка. Хидэёси не возражал против перехода в христианство своих приближенных. Среди принявших новую религию были его ближайшие соратники, такие как Кониси Юкинага (小西行長) и Курода Ёситака (黒田孝高) – в крещении Агоштинью (Agostinho) и Симеон (Simeão) соотвественно.

Находясь в Ōсака в 1584-1585 годах, Хидэёси неоднократно показывал, как казалось, доброжелательное и откровенное отношение к миссионерам, приглашая их на беседы. В 1586 году Гаспар Коэльо прибыл в Киото из Нагасаки, чтобы посетить местные общины. В мае того же года, он вместе с Фроишем и другими сотрудниками миссии был принят в замке Ōсака. Хидэёси с соратниками торжественно принял их, а затем, отпустив свиту, пообщался с ними отдельно в неформальной обстановке. Особое внимание он уделил своему давнему знакомому Фроишу, который выделялся своим знанием японского языка. Согласно записям иезуитов, разговор носил откровенный характер, и Хидэёси заверил миссионеров, что сделает Японию христианской страной после того, как завоюет Китай. Он поделился своими планами похода в Корею и попросил Коэльо о покупке для него двух хорошо вооруженных португальских кораблей[35].

Летом 1587 года на обратном пути после успешного похода на Кю̄сю̄, Хидэёси пригласил Коэльо в свою ставку в синтоистском святилище Хакодзаки-гӯ (筥崎宮) в городе Хаката (博多). Он планировал перестройку города, сильно пострадавшего от боевых действий и выделил место для постройки церкви. Затем он вместе с Коэльо поднялся на борт португальского корабля. Хидэёси, казалось, был заинтересован и дружелюбно настроен, и ничто не предвещало каких-либо осложнений[36].

Однако спустя всего несколько часов, ночью Коэльо получил от Хидэёси письмо в котором он обвинял миссионеров в различных преступлениях, в том

[35] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. – P. 346.
[36] Ibid. P. 346.

числе в разрушении буддийских и синтоистских построек и в причастности к продаже японцев в рабство. Хидэёси требовал ответа и Коэльо попытался оправдаться. Но его усилия были тщетны и на следующий день был издан указ «Об изгнании падре» (яп. батэрэн цуйхōрэй, バテレン追放令), запрещавший христианство и требовавший от иезуитов покинуть страну в течение 20 дней. Предположительная дата издания указа – 25 июля. В нем Хидэёси повторил свои обвинения миссионеров в подстрекательстве даймē к тому, чтобы они принуждали своих подданных оставлять веру своих предков, в разрушении синтоистских святилищ и буддийских храмов, в попустительстве по отношению к продаже японцев в рабство в Китай и Корею, в убийстве полезных животных – быков и лошадей[37].

Определенная доля истины в этих обвинениях была, но маловероятно, что перечисленные нарушения были подлинной причиной издания указа. Выдвигаются различные объяснения столь резкой перемене в отношении Хидэёси к христианам. Вероятно, на Хидэёси повлияло что-то, что он узнал только по прибытии на Кюсю. Возможно за внешней заинтересованностью, которую он продемонстрировал при посещении европейского корабля скрывались опасения относительно растущего влияния иностранцев[38].

Кроме того, в окружении Хидэёси были и недоброжелатели христиан. Особенно среди них выделялся советник и придворный врач Сэякуин Дзэнсō (施薬院全宗), бывший монах из Хиэйдзан (比叡山), который ненавидел иезуитов. Какими бы ни были изначальные мотивы Хидэёси, очевидно, что, издавая указ, он преследовал определенную цель. К тому моменту ему удалось в значительной степени взять под контроль буддийские школы. Но на Кюсю он обнаружил религиозную общину, распространившую свое влияние на местных даймē и находившуюся под управлением из-за границы. А ситуация, при которой иезуиты контролировали Нагасаки, не могла не напомнить ему о

[37] Boxer C. The Christian Century in Japan. 1549-1650. Manchester: Carcanet Press, 1993. – P. 146.
[38] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. P. 347.

буддийских монастырях, пытавшихся играть военно-политическую роль в период сэнгоку дзидай.

Смерть в 1587 году влиятельных сторонников христиан – Ōтомо Ёсисигэ и Ōмура Сумитада также предоставила благоприятную возможность для принятия решительных мер по ограничению влияния новой религии. Согласно тексту указа, запрещалось обращение в христианство даймё̄ и тем более, принуждение ими к тому же своих подданных. При этом свобода вероисповедания последних напрямую не ограничивалась. Даймё̄ на это требование реагировали по-разному. Такаяма Укон не стал отказываться от своих убеждений и был лишен владений. С другой стороны, большинство даймё̄-христиан вернулись к буддизму. При этом свобода личная вероисповедания простых людей напрямую не ограничивалась[39].

В ответ на приказ покинуть Японию Коэльо протестовал, заявив, что ввиду отсутствия корабля это было невозможно сделать так быстро. Он собрал большинство миссионеров в Хирадо, но не все они покинули Японию. На самом деле большинство сотрудников миссии – около ста человек – остались и продолжали подпольную деятельность во владениях Арима и Ōмура, пользуясь продажностью местных чиновников.

Особых усилий для тщательного выполнения указа предпринято не было, и торговля с европейцами продолжалась по-прежнему. Однако Нагасаки формально оставаясь владением Ōмура, перешел с 1588 года под прямой контроль Хидэёси[40].

После возвращения в Киото, Хидэёси был занят более насущными вопросами, и миссионеры могли продолжать свою деятельность, хотя и не официально. Несмотря на временные осложнения, им удавалось действовать на западе страны вполне успешно.

---

[39] Нагасима Сōитирō. Нихонси но нака но кирисутокё̄ (Христианство в истории Японии). Киото: PHP Кэнкюдзё, 2012. – С.38-40. 長島総一郎。日本史のなかのキリスト教。京都: PHP 研究所、２０１２年。－３８－４０頁。

[40] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. P. 348.

В 1590 году Хидэёси занялся подготовкой похода в Корею и был заинтересован в укреплении связей с иностранцами. Он согласился принять посольство от вице-короля Индии. Оно прибыло в следующем году и в его составе в Японию снова приехал Валиньяно в качестве представителя вице-короля в сопровождении нескольких священнослужителей. Уже в Японии к ним примкнули четверо японцев, побывавших в Риме. В марте 1591 года Хидэёси принял миссию в Киото. Валиньяно ждал вполне хороший приём, но Хидэёси отказался отменить свой указ против миссионеров. С другой стороны, он разрешил сопровождавшим Валиньяно иезуитам остаться в Нагасаки. Формально они находились там в качестве заложников, а на самом деле присоединились к действовавшим нелегально миссионерам[41].

Сам итальянец в 1592 году отправился обратно с ответным письмом Хидэёси вице-королю. В письме вице-королю от 1591 года Хидэёси называет Японию «страной богов» (яп. синкоку, 神国) и говорит о том, что любое учение, отрицающее древние верования противостоит стабильности власти и благосостоянию людей, а потому – неприемлемо. Стоит отметить, что черновик письма для правителя подготовил монах Сайсē Дзē̈тай (西笑承兌) из монастыря Сē̄кокудзи (相国寺) в Киото[42].

Деятельность миссии на Кю̄сю̄ была вновь нарушена осенью 1592 года, когда на остров прибыл Хидэёси. Он переместил свой двор в Нагоя (名護屋, совр. Карацу, 唐津) в провинции Хидзэн. На Кю̄сю̄ собирали людей и провиант для похода, и миссионерам было непросто скрываться от многочисленных подчиненных Хидэёси. Тем не менее, работа миссии не прекращалась и в годы войны в Корее. Напротив, отчет ордена иезуитов за 1595-1596 годы сообщает, что в Японии в это время работали 140 сотрудников. В Китае, для сравнения, было только 50 человек. И это при том, что Хидэёси разрешил только 10 иезуитам обеспечивать потребности иностранцев в Нагасаки, а Органтино –

[41] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. P. 349.
[42] Ibid. P. 376.

остаться в Киото без права проведения богослужений в церкви. Согласно сообщениям иезуитов, через несколько лет после издания указа 1587 года, в Японии было 300 тысяч христиан. Из них 60 тысяч были крещены после издания указа. Таким образом за время, прошедшее с первого приезда Валиньяно, численность христиан удвоилась.

После взятия Испанией под свой контроль Филиппин, испанские торговцы поставили себе целью потеснить португальцев в Японии. Испанские миссионеры – Францисканцы, Доминиканцы и Августинцы также были недовольны монополией иезуитов. Они рассчитывали, что им удастся исправить те ошибки иезуитов, которые, как они считали, вызвали гнев японских властей[43].

В 1591 году Хидэёси направил письмо испанскому губернатору Манилы, которым тогда был Гомес Перес дас Мариньяс (Gomez Perez das Mariñas). В письме содержалось предупреждение о том, что после завоевания японцами Кореи и Китая Филиппины станут следующей целью и рекомендация заблаговременно подчиниться и прислать дань. В ответ была направлена миссия во главе со священником-францисканцем Хуаном Кобосом (Juan Cobos). Она прибыла в Хирадо, где Хидэёси готовился к высадке в Корее. Однако миссия не была принята. В 1593 году была направлена ещё одна, более представительная – во главе с другим францисканцем – Педро Баптистой (Pedro Baptista), которого сопровождали трое других членов ордена. Письмо от губернатора, которое они привезли с собой, гласило, что для ответа на требование Хидэёси потребуется сделать запрос в Мадрид. Со своей стороны, губернатор предлагал начать торговлю. Четверо францисканцев также вызвались остаться в качестве заложников до решения вопроса о дальнейшем развитии отношений. Им было позволено пребывание в центральных провинциях, где они стали проповедовать, несмотря на исключительные права

[43] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. P. 372.

иезуитов. Вскоре ими были основаны церковь в Киото и монастырь в Ōсака. К первым испанским миссионерам присоединились еще несколько[44].

Между представителями двух действовавших в Японии орденов нередко происходили конфликты, так как иезуиты были недовольны нарушением прав, полученных ими согласно папскому указу 1585 года. К слову говоря, в Нагасаки, которым ограничивалась сфера легальной деятельности иезуитов, францисканцам закрепиться не удалось. Однако в других частях страны они действовали активно и до поры не встречали сопротивления со стороны Хидэёси. Таким образом, можно сказать, что запрет на миссионерство, введенный указом 1587 года, на практике касался ордена иезуитов, а не христианских миссионеров в принципе[45].

Такое положение сохранялось до 1596 года, когда произошел инцидент с испанским судном «Сан-Фелипе». Капитан этого судна, пытаясь вернуть конфискованный груз, угрожал японцам вторжением испанских войск. Говоря о завоеваниях Испании, он якобы упомянул о роли миссионеров и сказал о том, что японцы-христиане поддержат захватчиков. Точных доказательств достоверности этих слов нет. Вполне вероятно, что эта история могла впоследствии зародиться в спорах между иезуитами и францисканцами о том, кто был виноват в провоцировании репрессий[46].

Так или иначе, но в 1597 году Хидэёси издал указ о казни Педро Баптисты, шести других францисканцев и девятнадцати японцев-миссионеров. Подвергнув пыткам, их отправили из Киото в Нагасаки. Приговоренных провезли через различные города в качестве устрашения для христиан. В феврале 1597 года в Нагасаки эти 26 человек были распяты вниз головой, как обычные преступники. Это был первый в истории Японии и последний при жизни Хидэёси случай казни христиан.

---

[44] Murdoch J. A History Of Japan. Vol. 2. During The Century Of Early Foreign Intercourse, 1542 – 1651. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, 1925. – P. 46.
[45] Sansom G. Op. cit. Vol. 2. P. 373.
[46] Boxer C. Op. cit. – P. 165-166.

Причины жестокого, по сравнению с 1587 годом решения до конца не ясны. Несомненно, Хидэёси и раньше осознавал тесную связь Католической церкви с государством в Европе, учитывая то, что священнослужители нередко прибывали в Японию в статусе послов и официальных представителей властей. Возможно, случай с «Сан-Фелипе» в самом деле сыграл свою роль и решение было принято в контексте более агрессивной политики в отношении Испании, как гипотетического противника. Дело в том, что среди казненных не было португальцев и даже среди 19 японцев было только трое иезуитов.

Несмотря на отсутствие казней христиан до конца жизни Хидэёси, отношение к христианству существенно ухудшилось. Указ 1587 года был пересмотрен в сторону ужесточения и была формально запрещена сама принадлежность к христианству. Органтино было позволено остаться в Киото, но ему запрещались новые обращения.

Тем не менее для иезуитов эти события означали временное восстановление их монополии. Они также были воодушевлены визитом нового епископа Фунаи, Педру Мартинша (Pedro Martins), прибывшего с очередным письмом к Хидэёси от вице-короля Индии. Он был принят благосклонно и ему какое-то время не мешали координировать работу миссии. На встречи с епископом в Ōсака и Фусими (伏見) собирались многочисленные христиане из разных концов Японии.

Однако вскоре в результате интриг Сэякуин и других недоброжелателей миссионеров при дворе Хидэёси, осложнилось и положение иезуитов. Губернатор Нагасаки, Тэрадзава Хиротака (寺沢広高) получил указание выслать Мартинша и других иезуитов за исключением нескольких человек. Кроме того, были запрещены христианские богослужения и собрания.

Иезуитам и на этот раз удалось в значительной степени обойти запрет. Под видом клириков Японию покидали сотрудники-миряне. Таким образом из 125 священнослужителей около 100 остались. Это было возможно благодаря

тому, что у миссионеров были хорошие отношения с местными чиновниками в Нагасаки, а губернатор Тэрадзава, как утверждается, был тайно крещён.

В 1598 году, ожидая нового визита Хидэёси на Кю̄сю̄, власти в Нагасаки устроили показные преследования, разрушив несколько церквей и «потребовав» от иезуитов немедленно покинуть страну. Однако в августе того же года в Нагасаки прибыл на замену Мартиншу новый епископ, Луиш Серкейра (Luis Cerqueira). Он обнаружил, что Тэрадзава лично укрывает несколько иезуитов до прихода корабля. Тем временем многие другие укрывались во владениях сочувствующих даймё и не думали покидать Японию. В начале сентября 1598 года в Японию повторно приехал португальский миссионер Жуан Родригеш (João Rodrigues). Он отправился в Фусими, чтобы преподнести подарки Хидэёси, чьим переводчиком он когда-то выступал. Узнав о его приезде, правитель встретил его с ответными подарками и добрыми словами. Эта встреча произошла всего за несколько дней до смерти Хидэёси[47].

Рассмотренный в данном параграфе период стал переломным для в судьбе христианства в Японии. Он начался с установления личных отношений между Хидэёси и лидерами миссионеров. Однако открывшиеся перспективы широкой христианизации страны и связанные с этим политические риски вступили в противоречие с интересами усилившейся центральной власти. Первый указ о запрете проповеди христианства, хотя и не оказал решающего влияния на деятельность миссионеров, формально поставил её вне закона. Случившаяся десятью годами позже первая казнь христиан в корне изменила условия работы миссии. Хотя этот эпизод достаточно долго оставался единичным, он продемонстрировал готовность японских властей идти на крайние меры в отношении христиан и развеял иллюзии о скором крещении всей Японии.

[47] Sansom G. Op. cit. V. 2. P. 376.

ГЛАВА II. Христианство и политика самоизоляции

В первые годы правления Токугава Иэясу (徳川家康) проблема распространения христианства для японских властей отошла на второй план. В то же время взаимодействие с европейцами набирало интенсивность. В 1600 году в Японию впервые прибыли голландские торговцы, а с ними – английский штурман Уильям Адамс, ставший впоследствии советником Токугава. В 1613 году начался непродолжительный период торговли с англичанами, продолжавшийся всего десятилетие. Имевшее место в Европе политическое противостояние между Англией и Нидерландами с одной стороны, и Испанией с другой, находило свое отражение в остром соперничестве и конфликтах торговцев на азиатских торговых маршрутах. Стороны пытались очернить друг друга в глазах бакуфу. При этом конкуренты пиренейских купцов не упускали возможности и для критики католических миссионеров. Помимо конфессиональных различий свою роль здесь играла и вовлеченность последних в дипломатические и торговые контакты с Японией[48].

В том же 1613 году в Европу через испанские владения в Мексике отправился Хасэкура Цунэнага (支倉常長), вассал даймё Датэ Масамунэ (伊達政宗). Возглавляемое им посольство посетило Испанию, Францию и Рим, где получило аудиенцию папы римского Павла V. Задачей посольства было установление торговли с испанскими колониями. Пытаясь заручиться поддержкой Ватикана, посольство пригласило в Японию миссионеров. Одобрив это предложение, папа римский, тем не менее, не стал вмешиваться в вопросы торговли. Когда миссия на обратном пути вновь посетила Мадрид,

[48] Nakane C., Oishi S. Tokugawa Japan. The Social and Economic Antecedents of Modern Japan. Tokyo: University of Tokyo Press, 1991. – P. 26-28.

её ожидал отказ со стороны короля Филиппа III. Причинами были статус посольства, отправленного не от самого сёгуна, а от его вассала, и дошедшие до Испании сведения о начавшемся в Японии преследовании христиан[49].

До 1611 года Токугава Иэясу терпимо относился к христианам, но с этого года началось издание указов, запрещавших проповедь христианства и саму принадлежность к нему. Указ 1611 года предписывал принять меры против принявших христианство. В 1612 году губернатор Нагасаки Хасэгава Фудзихиро (長谷川藤広) получил отдельные указания наказать нарушителей. В указе 1613 года, обращенном к легальным религиозным общинам и храмам, христианство вместе с некоторыми неортодоксальными направлениями школы Нитирэн ставилось в один ряд «зловредных учений» (яп. дзясюмон, 邪宗門), которых следовало остерегаться.

Наконец в январе 1614 года монах школы дзэн Исин Судэн (以心崇伝) представил свой доклад, в котором он описывал «злодеяния» христианства и вред, который оно наносит традиционным учениям, и призывал к изгнанию миссионеров. Это сочинение было одобрено Токугава Хидэтада (徳川秀忠) и закреплено его печатью, получив таким образом статус официального документа.

После выхода указа от 27 января 1614 года церкви в Киото были разрушены, а миссионеры задержаны. Некоторые высокопоставленные христиане были отправлены в ссылку или высланы за пределы страны. Среди последних были Такаяма Укон и Найтō Тадатоси (内藤忠俊, в крещении Жуан), которые были высланы в Манилу и жили там до конца жизни. Более 70 воинов-христиан были сосланы в регион Тōхоку (東北), но это дало обратный эффект, приведя к распространению христианских идей вплоть до районов

[49] Исинабэ Масуми. Хасэкура Цунэнага но сёдзōга ни кансуру иккōсацу (Размышление относительно портрета Хасэкура Цунэнага) // Глокализация и миграция культур // Под ред. Масахито Одзава. Токио: Университет Сэйдзё, 2011. С. 75-78. 石鍋真澄。支倉常長の肖像画に関する一考察 // グローカリゼーションと文化移転。小澤正人編。東京：成城大学、２０１１年。頁７５－７８。

проживания айну (アイヌ). За отказ отречься от христианства были наказаны и некоторые простые японцы – несколько человек были заключены[50].

Однако в целом до смерти Иэясу внимание властей было сосредоточено в основном на недопущении распространения христианства среди воинского сословия. При жизни Токугава Иэясу ни один миссионер-иностранец не был казнен, несмотря на многочисленные нарушения ими запретов. Хотя в 1613 году были казнены 37 японцев-проповедников, это было связано с вопиющим нарушением указов бакуфу (幕府), произошедшим в самой столице. Дело в том, что в 1612 году испанский миссионер Луис Сотело (Luis Sotelo) несмотря на все запреты построил в Эдо (江戸) часовню и публично совершил мессу. Сам Сотело также был приговорен к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение[51].

В 1606 году в Японии было около 120 иезуитов, около половины из которых – священники. Членов других орденов было около 30 человек. После издания указа 1614 года, в Японии осталось 47 иезуитов, не считая тех, кто присоединился к ним впоследствии[52].

В ходе конфликта1614 – 1615 годов на стороне Тоётоми Хидэёри (豊臣秀頼) находились в том числе и многочисленные христиане из числа рōнинов (浪人). Более того, в осажденном замке Ōсака присутствовали несколько священников. Это не могло не укрепить уверенность Токугава в недружественном характере деятельности миссионеров[53].

Полномасштабное преследование христиан началось после смерти Иэясу летом 1616 года. В октябре того же года вышел указ рōдзю̄ (老中)[54],

---

[50] Кокуси дайдзитэн (Большой словарь по истории Японии). Том 4. Под ред. Сакамото Тарō. Токио: Ёсикава Кōбункан, 1984. – С. 427. 国史大事典。第４巻。坂本太郎編。東京、吉川弘文館、１９８４年。－４２７頁。

[51] Sansom G. A history of Japan. Vol. 3 (1615-1867). London, 1964. P. 39-40.

[52] Ibid. P. 41.

[53] Гальперин А.Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М.: Изд-во вост. лит., 1963. – С. 54-56.

[54] Рōдзю̄ – высшие советники при сēгунах Токугава.

который требовал от даймё пресечь исповедание христианства среди всех своих подданных, включая крестьян. Параллельно происходило последовательное ограничение торговли с европейцами, которая была в том же году ограничена портами Нагасаки и Хирадо. Одной из причин такого шага было стремление пресечь нелегальный въезд в страну миссионеров.

В 1618-1621 годах в Нагасаки было казнено большое число японцев-христиан. В одном только в 1619 году было казнено более 50 человек. Однако иностранцев среди казненных не было до 1622 года, когда 30 человек были обезглавлены, а 25 – заживо сожжены. Среди последних было девять священников-европейцев. Они стали первыми иностранцами среди жертв гонений на христианство при правлении Токугава. Общее число казненных в Японии в 1613-1626 годах христиан, согласно документам миссионеров, составляет около 750 человек[55].

Продолжавшееся нелегальное проникновение в Японию миссионеров привело к тому, что Мацукура Сигэмаса (松倉重政), правитель княжества Симабара (島原), предложил бакуфу организовать экспедицию на Филиппины, чтобы уничтожить «базу миссионеров». Эта идея не была реализована, однако с 1624 года испанским кораблям было запрещено приходить в Японию.

К середине 1620-х годов преследования достигли своего пика. В годы правления сёгуна Токугава Иэмицу (徳川家光, 1623 – 1651) власти неуклонно следовали взятому курсу на искоренение в стране христианства. В большинстве районов христиане были либо уничтожены, либо вынуждены были уходить в подполье. При этом в отличие от предшествующих десятилетий власти методично осуществляли розыск скрывавшихся. Для этого предпринимались все новые и новые меры. За информацию о местонахождении христиан была назначена награда. Отрицание принадлежности к христианству было необходимым условием для занятия

[55] Нагасаки кэн си: Тайгай кōсē хэн (История префектуры Нагасаки: Внешние контакты). Токио: Сансюся, 1985. – С. 132-133. 長崎県史。対外交渉編。東京、三秀舎、１９８５年。－１３２－１３３頁。

различных должностей. Подобная формулировка входила даже в контракт, который подписывался при поступлении на работу в «веселый квартал».

Указы 1633, 1635 и 1639 годов, направленные в основном на ограничение торговли с иностранцами и поездок японцев за границу, были неразрывно связаны и с борьбой против христианства. Они содержали статьи, которые требовали от местных чиновников вести розыск скрывавшихся миссионеров и их последователей. Кроме перечисленных указов, исполнителями которых были чиновники, подчиненные бакуфу, среди поправок, внесенных в 1635 году в свод законов Букэ сёхатто (武家諸法度) было положение, которое требовало от всех даймё пресечь исповедание христианства в своих землях[56].

Восстание в Симабара (яп. Симабара-но-ран, 島原の乱) в 1637 – 1638 годах не было религиозным в первую очередь, а скорее имело социально-экономические предпосылки. Однако христианские лозунги, несомненно, играли свою роль в воодушевлении его сторонников. Что же касается властей, то использование восставшими изображений святых и другой христианской символики было достаточно, чтобы признать иноземную религию причиной бунта. Таким образом, в глазах правительства, оправдались опасения, которые уже давно вызывало распространение христианства и влияния миссионеров, особо сильное на Кюсю.

После подавления восстания власти с удвоенной силой начали выслеживать миссионеров и их сторонников. Наконец, в 1639 году указ, изданный за подписью семи старших советников, запретил португальским кораблям приходить в Японию. Таким образом пресекалась регулярная связь с католическими странами. Указ прямо говорил о том, что причиной его принятия было постоянный нелегальный приезд в Японию миссионеров и

[56] Elison G. Op. cit. P. 36.

контрабанда запрещенных к ввозу культовых предметов и христианской литературы[57].

В 1640 году из Макао прибыло многочисленное посольство с целью убедить японские власти отменить свое решение. Однако его членам не только не удалось достичь своей цели, но их признали нарушителями указа и приговорили к смертной казни. После того, как приговоренные отказались отречься от христианства в обмен на помилование, 61 человек были казнены. Ещё 13 человек отправили обратно, чтобы они рассказали о случившемся[58].

Учитывая, что англичане сами закрыли свою торговую факторию на Хирадо ещё в 1623 году, единственной европейской страной, которая смогла продолжить торговлю с Японией, стали Нидерланды. При этом японские власти учли, как конфессиональное различие голландцев-протестантов и их незаинтересованность в миссионерской деятельности, так и факт предоставления ими военной помощи при подавлении Симабарского восстания. Эта помощь, вызвавшая резкую критику в Европе, на время убедила японские власти в том, что голландцы не будут распространять христианство в Японии. Однако спустя два года после изгнания португальцев, в 1641 году голландцам было приказано перенести торговлю из Хирадо на искусственный остров Дэдзима (出島) в Нагасаки. Реальной причиной, вероятно, были разногласия с местными торговцами. Однако формальным поводом для принудительного переселения стала ошибка, допущенная голландцами в 1640 году при строительстве нового каменного здания товарного склада. Снаружи была выложена дата постройки согласно христианскому летоисчислению. Это было объявлено японскими властями нарушением запрета на проповедь христианства.

[57] Бедняк И.Я., Гальперин А.А. Очерки новой истории Японии (1640-1917). М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – С. 25.
[58] Boxer C. Op. Cit. – P. 385.

В Нагасаки сотрудники голландской фактории находились под неусыпным контролем, в том числе и с целью недопущения распространения христианства. Отправление христианских ритуалов и хранение запрещенных культовых предметов и литературы было запрещено даже на территории самой фактории и на кораблях. Приходившие корабли досматривались на предмет наличия чего-либо, имевшего отношение к христианству. До конца XVIII века голландцам даже запрещалось хоронить умерших на Дэдзима в Нагасаки – их тела следовало погребать в море. После того, как запрет был снят, погребение не должно было сопровождаться какими-либо ритуалами, а на могилах было запрещено использовать изображение креста[59].

Ещё в 1630 году был введён отдельный запрет на ввоз китайских книг, содержавших упоминания о христианстве. Запрет неоднократно уточнялся внесением конкретных изданий в реестр запрещенных к ввозу книг. При этом запрет соблюдался настолько строго, что одно из описаний Пекина было запрещено из-за единственного упоминания могилы миссионера Риччи. Подобный формальный подход действовал до 1720 года, когда необходимость составления календаря вынудила сёгуна Токугава Ёсимунэ (徳川吉宗) разрешить ввоз научной литературы, содержавшей даты по христианскому летоисчислению[60].

В 1640 году в Эдо был учрежден специальный правительственный орган – Сюмон-аратамэ-яку (宗門改役) – нечто вроде комиссии, которая контролировала религиозные общины и следила за недопущением распространения запрещенных учений, в том числе христианства. Эта инстанция просуществовала до 1792 года. С 1664 года все даймё с годовым доходом в 100 000 коку риса и более должны были организовать в своих

[59] Мориока Ёсико. Сэкайси но нака но Дэдзима: Нитиō цӯкō уэ Нагасаки но хатасита якувари (Дэдзима в мировой истории: Роль, которую играл Нагасаки в связях Японии с Европой). Нагасаки: Нагасаки Бункэнся, 2006. – С. 103-105. 森岡美子。世界史の中の出島―日欧通交史上長崎の果たした役割。長崎、長崎文献社、２００６年。－１０３－１０５頁。

[60] Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 15-17.

владениях такие же комиссии. В 1646 году для содержания подследственных христиан в Эдо была устроена отдельная тюрьма – Кириситан-ясики (切支丹屋敷). Для подтверждения своей непричастности к христианству подозреваемые должны были наступать на кресты или иконы. Так возникла процедура э-фуми (絵踏 – «попирание образов»), для которой стали изготавливать специальные металлические иконы – фумиэ (踏み絵). Еще одной мерой, способствовавшей выявлению христиан стала обязательная регистрация населения в местных буддийских храмах, на духовенство которых была возложена обязанность наблюдения за подведомственными им общинами[61].

Можно сказать, что такие меры были наиболее эффективны в городах, где христианство быстро сошло на нет. В то же время в отдельных сельских районах Кю̄сю̄ небольшие крестьянские общины успешно скрывали не только свои убеждения, но и некоторые формы христианского культа. Ввиду отрыва от церковной организации и необходимости выдавать себя за последователей традиционных для Японии религий, эти общины существовали в крайне специфических условиях. В результате сформировались синкретические религиозные практики, лишь отдаленно напоминавшие христианское богослужение. Подобное смешение особенно наглядно выражается в визуальных формах культа, где образ богини Каннон (観音, боддхисаттвы Авалокитешвары) слился воедино с образом Девы Марии. В ряде случаев сохранялись и число христианские элементы, такие как поклонение изображениям креста. Однако их приходилось тщательно скрывать от посторонних глаз, что нашло свое выражение в термине «нандогами» (納戸神 – «божества из чулана»). Характерный для японской религиозной традиции культ предков сочетался с почитанием мучеников – казненных за исповедание христианства. В основном сохранялись некоторые внешние атрибуты

[61] Nosco P. The Experiences of Christians during the Underground Years and Thereafter // Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 34. Nagoya: Nanzan Unviversity, 2007. – P. 91-93.

христианского культа, а тексты передавались преимущественно в устной форме, постепенно искажаясь и утрачивая первоначальный смысл. Отдельные общины какурэ кириситан (隠れキリシタン – «тайных христиан») продолжали существовать в Нагасаки, Амакуса (天草), Хирадо и на островах Гото̄ (五島) до конца периода Токугава[62].

Репрессии время от времени вспыхивали при обнаружении той или иной общины даже спустя более столетия после изгнания миссионеров. Так, в 1790-1794 годах происходило преследование в Ураками (浦上), в ходе которого были изъяты манускрипты христианского содержания. К 1827-1830 годам относится расследование, закончившееся казнью христиан в Ōсака[63].

Последнюю попытку возобновить работу миссии в условиях репрессий предпринял итальянский миссионер Джованни Баттиста Сидотти (Giovanni Battista Sidotti, 1668–1714), который в 1708 году нелегально прибыл на остров Якусима (屋久島). Он был задержан местными жителями и передан властям. Сидотти отвезли в Нагасаки, а затем в Эдо. Здесь его допрашивал Араи Хакусэки (新井白石, 1657-1725), выдающийся государственный деятель эпохи. На основе своих бесед с итальянцем Хакусэки впоследствии написал сочинение о Западе – «Сэйё̄ кибун» (西洋紀聞). Так как Сидотти не владел японским языком и соответственно не мог проповедовать без переводчика, его не казнили, а лишь приговорили к заключению. Однако в 1714 году за попытку обратить в христианство чету пожилых супругов, которые были предоставлены ему в качестве прислуги и наблюдателей, он был заживо похоронен[64].

Последовательный характер репрессий бакуфу в отношении проповедников и последователей христианства указывает на то, что власти

---

[62] Whelan C. Religion Concealed. The Kakure Kirishitan on Narushima // Monumenta Nipponica, Vol. 47. Tokyo: Sophia University, 1992. – P. 371-372.
[63] Эбисава Аримити. Указ. соч. С. 283-284.
[64] Goodman G. Japan and the Dutch. Richmond, Curzon Press, 2000. – P. 43-44.

видели в этом вероучении реальную угрозу для стабильности страны. А то, как тесно меры в отношении христиан были связаны с прочими шагами по установлению в Японии политики сакоку, позволяет говорить, что недопущение распространения христианства было одной из основных целей ограничения контактов с внешним миром.

ГЛАВА III. Значение начального периода распространения христианства в Японии

Как ни парадоксально, значение начального этапа распространения христианства в Японии состоит скорее не в его успехах, которые оказались недолговечными, а в последствиях его поражения. Безусловно, установление в Японии политики самоизоляции было обусловлено комплексом причин и не может объясняться только задачей недопущения в страну миссионеров. Однако именно предотвращение распространения христианства декларировалось в качестве официальной задачи этой политики. Есть основания считать, что это было не только формальным поводом. Судя по неустанному преследованию христиан, которое продолжалось на протяжении всего периода действия политики сакоку, японские власти считали их реальной угрозой для стабильности в обществе. Власть, авторитет которой опирался на идеологию, тесно переплетенную с традиционными религиозными взглядами, не могла позволить распространение принципиально чуждых этой традиции идей. Таким образом, попытка распространения христианства в XVI-XVII стала одним из факторов, приведших к закрытию Японии в значительной степени от внешнего мира, что в свою очередь стало одним из поворотных моментов в истории страны.

Тем не менее, период распространения христианства (1549 – 1639), получивший в историографии название «христианского столетия» дал интересные примеры культурного и идеологического взаимодействия. Несмотря на взаимный недостаток знаний друг о друге, а иногда и доверия, сторонам этого диалога удалось достичь впечатляющих результатов. Такие достижения, как организация первых путешествий японцев в Европу и знакомство их с привезенным Валиньяно в 1590 году передвижным печатным прессом, несомненно, открыли новую страницу в культурной жизни страны.

В том, что касается культурного обмена в рассматриваемый период, фигура Валиньяно, трижды посетившего Японию, занимает особое место. Его деятельность не ограничивалась взаимодействием с властями и организацией работы миссии. Он предпринял попытку осмысления местной религиозно-философской традиции. И хотя это было сделано в контексте конфронтации, взаимодействие выходило таким образом на новый уровень.

Валиньяно быстро пришел к выводу о том, что в условиях значительной разницы культур у миссионеров не было иного выхода, как только изучать японские обычаи и основы культуры, а также более обстоятельно знакомить крещёных японцев с вероучением. Он распорядился основать две семинарии для подготовки проповедников – в Адзути (安土) и Арима, а также создать школу, где европейцы изучали японский язык и культуру. Но самым важным было открытие иезуитского новициата в Усуки (臼杵) в провинции Бунго, который открылся на Рождество 1580 г. Первыми учениками стали шесть португальцев и шесть японцев. Валиньяно уделял такое внимание этому учреждению, что в течение первых двух месяцев лично преподавал в нем с помощью Фроиша, выступавшего переводчиком. Это было отправной точкой подготовки японского духовенства наравне с отправкой в Японию священников-европейцев.

Организация в Нагасаки типографии положила начало такому культурному явлению, как кириситан бунгаку (切支丹文学 – «христианская литература»). На японский язык переводились не только простые тексты молитв и отрывки из Библии, но и сложные сочинения, такие как «О подражании Христу» Фомы Кемпийского. Сам Валиньяно составил в Бунго в 1580 году «Катехизис христианской веры» («Catechismus christanae fidei»), который был переведен на японский язык. В своей работе он предпринял попытку систематического изложения основ христианства в сопоставлении с буддизмом. Миссия с 1593 года издавала и первые работы, посвященные изучению японского языка, среди которых словарь «Vocabulario da lingoa de

Iapam» (1603-1604) и пособие по грамматике «Arte da lingoa de Iapam», которое составил в 1608-1614 годах миссионер Жуан Родригеш[65].

Тот факт, что в типографии печатались не только христианские издания, но и популярные произведения японской литературы, такие как «Повесть о доме Тайра» (яп. Хэйкэ-моногатари, 平家物語), ярко иллюстрирует попытку миссионеров-иезуитов найти свою нишу в культурной жизни страны. С другой стороны, выбор данного произведения, которое содержит образцы воинской этики, соответствовал ориентации работы миссии на распространение влияния в среде самураев. Миссионеры пытались совместить идеалы преданности вассала господину с христианскими ценностями.

По мнению Эбисава Аримити, новизна иезуитской трактовки этих идеалов состояла в том, что, хотя на практике преданность была направлена на непосредственного сюзерена, постулировалось, что воин таким образом служит Богу и высшей справедливости. Для властей в этом была определенная опасность, так как если определять в конфликтных ситуациях, что есть высшая справедливость, должен был не господин, а священник, то это уже совершенно не согласовалось с принципами феодального государства[66].

Принципы культурной адаптации, заложенные Валиньяно, были впоследствии широко развиты. Помимо уже упомянутых в работе буддийских терминов, достаточно широко использовалась конфуцианская терминология. В этом действовавшие в Японии миссионеры следовали примеру своих коллег в Китае, в частности Маттео Риччи (Matteo Ricci). Они стали использовать различные термины, связанные с понятием «Неба» – «путь Неба» (яп. тэнтō, 天道), «Небесный Господь» (яп. тэнсю, 天主), «Царь небесный» (яп. тэнтэй, 天

[65] Murdoch J. A History Of Japan. Vol. 3. The Tokugawa Epoch, 1652 – 1868. London, 1926. – P. 304.
[66] Эбисава Аримити. Нихон кириситан си (История раннего японского христианства). Токио: Ханавасёбō, 1966. – С. 274-279. 海老沢有道。日本キリシタン史。東京、塙書房、１９６６年。－頁２７４－２７９。

帝). Такая адаптация облегчала восприятие проповеди, но иногда приводила и к смешению понятий[67].

Важное значение для изучения истории Японии имеют переписка и сочинения работавших в Японии миссионеров. Среди них были высокообразованные и искренне интересовавшиеся Японией люди. Луиш Фроиш до прибытия в Японии проработал 9 лет на Малакке. Его записи содержат ценные сведения о событиях, происходивших в Японии в 1549-1578 годах. Сам он жил в Японии до самой смерти в 1587 году. Он вел активную деятельность в Киото в период наивысшего могущества Ода Нобунага, которого называл «королем Овари» и поддерживал дружеские отношения со многими влиятельными людьми.

Говоря о вкладе миссионеров в изучение Японии, следует упомянуть, что, благодаря их деятельности, в Европе появились первые карты архипелага. В 1615 и 1617 годах двое священников-иезуитов – Джироламо де Анджелис (Girolamo De Angelis) и Диогу Карвалью (Diogo Carvalho) соответственно, посетили остров Эдзо (蝦夷). Таким образом, итальянец Де Анджелис стал первым европейцем, посетившим современный Хоккайдō (北海道)[68].

В Фунаи в провинции Бунго иезуиты открыли госпиталь и детский приют. Создание учебных заведений выходило далеко за рамки нужд миссии в подготовке кадров. При многочисленных церквях создавались начальные школы. Число таких школ достигало 200. В учебных заведениях более высокого уровня изучалась, в числе прочего музыка. При посещении Ода Нобунага семинарии в Адзути, игра учеников на европейских музыкальных инструментах произвела на него особенно сильное впечатление[69].

---

[67] Эбисава Аримити. Указ. соч. С. 238-240.
[68] Kish G. Some Aspects of the Missionary Cartography of Japan during the Sixteenth Century. London: Routledge, 1949. – P. 39-47.
[69] Кокуси дайдзитэн. Указ. соч. С. 431.

Активное распространение христианства вызывало активное противодействие местных религиозных авторитетов. Оно не ограничивалось обращениями к властям с требованиями изгнания миссионеров, но выражалось также в диспутах и публикации сочинений. Репрессии в отношении христиан сопровождались развитием жанра полемической литературы. Он представлен разнородными сочинениями. Часть из них представляли собой серьезные попытки оспорить положения христианского вероучения с позиций буддизма или конфуцианства. Другие были изданиями для простого народа, использовавшими наглядные образы. Одно из таких изданий убеждало читателей в том, что в день прибытия в Японию первого миссионера в святилище Сумиёси-тайся (住吉大社) в Ōсака упали 66 сосен – прозрачный намёк на 66 провинций Японии, оказавшихся под угрозой. Практически все сочинения и правительственные указы данного периода, касающиеся христианства, объединяет утверждение о том, что «Япония – страна богов», подчеркивавшее незыблемость японской религиозной традиции[70].

Убедительным аргументом в пользу критиков христианства было отречение последователей. Среди них особое место занимает японец Фукан Фабиан (不干ハビアン, ок. 1565 – 1621). До отречения он был проповедником и автором христианских сочинений. Среди его оппонентов был неоконфуцианский мыслитель Хаяси Радзан (林羅山). Причины отречения от христианства, которое произошло еще до начала репрессий, доподлинно не известны. Однако существует предположение, что Фукан был недоволен положением японских кадров в миссии. В своих поздних работах он резко осуждает надменность европейских миссионеров, говоря о том, что они не считают японцев за равных им людей. Кроме того, он обвинял их в ограничении доступа сотрудников-японцев к изучению португальского языка. Сам он объяснял такую несправедливость нежеланием европейцев раскрывать

[70] Elison G. Op. cit. – P. 7.

свои тайные преступные планы. Его позднее сочинение «Ха Даису» (破提宇子 – «Deus уничтоженный», 1620 год) представляет собой антологию антихристианской полемики. В этой работе Фукан утверждал, что одна только первая библейская заповедь о поклонение только Богу уже влечет вредные последствия, так как противоречит принципу первостепенной важности выполнения человеком своей роли в обществе[71].

Другой пример отречения от христианства дает фигура португальского миссионера Криштована Феррейры (Cristóvão Ferreira, ок. 1580 – 1650). Он проработал в Японии более двадцати лет и был главой ушедшей в подполье миссии. После того, как он был схвачен в 1633 году и подвергнут пыткам, он отрекся от своих убеждений. Несмотря на вынужденный характер, сам факт отречения лидера миссионеров использовался в антихристианской пропаганде[72].

Несмотря на то, что деятельность католической миссии была пресечена и большая часть её достижений была уничтожена, память о начальном периоде её истории легла в основу последующего возрождения христианства в Японии во второй половине XIX века.

[71] Elison G. Op. cit. – P. 6, 16.
[72] Ibid. P. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги этой работы, следует постараться ответить на вопросы, поставленные в ее начале. Проведенная работа позволила сделать следующие выводы.

Христианство появилось в Японии в драматичный период её истории. Раздробленность Японии периода сэнгоку дзидай позволила миссионерам воспользоваться противоречиями между враждовавшими феодалами и привлечь часть из них на свою сторону. Положение миссионеров подкрепляло то, что они часто выступали в статусе представителей своих стран, выступая в роли дипломатов и торговых посредников.

Следует избегать обобщений в оценке методов работы проповедников. Хотя нередко обращение было принудительным, так было не всегда. В частности, распространение христианства в центральной Японии происходило в основном благодаря личным качествам сотрудников миссии. В отличие от даймё-христиан на острове Кюсю, здесь для знатных людей выгода от контактов с европейцами не была основным мотивом обращения. И даже в тех районах, где новая религия была изначально навязана населению, она уже через несколько десятилетий настолько укоренилась, что общины её последователей сохранялись там в условиях преследований более двух столетий.

Взаимоотношения миссионеров с центральной властью развивались в тесной зависимости от общего характера связей Японии с европейскими странами в тот или иной период. Для Ода Нобунага и, в определенной степени, Тоётоми Хидэёси миссионеры были важными посредниками во взаимовыгодных торговых связях с европейскими странами. С приходом к власти Токугава и появлением в Японии голландских торговцев католические миссионеры утратили эту роль. В то же время нарастало недовольство властей ростом влияния христианства.

Объединение страны и укрепление центральной власти, опиравшейся на авторитет традиционных для Японии религий не оставили места для идеологически чуждого мировоззрения. Помимо религиозного конфликта, сыграли роль подозрения властей, связанные с возможной угрозой Японии со стороны европейских стран или внутренних выступлений. В обоих случаях миссионеров рассматривали, как потенциальных противников власти. При этом значительную роль играла близость к власти буддийского духовенства. Миссионеры, напротив, сохраняли репутацию агентов иностранных государств.

Конфликт мировоззрений нашел свое выражение в диспутах и появлении с обеих сторон полемических сочинений. Несмотря на всю напряженность противостояния, оно было первым шагом в направлении знакомства европейцев и японцев с духовной культурой друг друга. Организованные миссионерами первые поездки японцев в Европу также стали важной вехой в истории международных отношений Японии.

Вероятно, самым важным итогом начального этапа распространения христианства в Японии стала реакция на него японских властей. Окончательное искоренение христианства было одной из целей установления в Японии политики сакоку. Оно, в свою очередь, стало одним из ключевых факторов в истории Японии. Именно в условиях продолжавшейся более двух столетий политики самоизоляции сформировались многие социокультурные основы японского общества, сохраняющие свое значение до настоящего времени.

Список использованной литературы

на русском языке:

1. Бедняк И.Я., Гальперин А.А. Очерки новой истории Японии (1640-1917). М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 598 с.
2. Гальперин А.Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 200 с.
3. Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 269 с.
4. Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984. – 447 с.
5. Католическая энциклопедия. Т.4. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. – 1962 с.
6. Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – 208 с.
7. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. М.: Наука, 2005. – 596 с.
8. Ламерс Й.П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия 2012 г. – 352 с.
9. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010. – 352 с.

на японском языке:

10. Исинабэ Масуми. Хасэкура Цунэнага но сёдзōга ни кансуру иккōсацу (Размышление относительно портрета Хасэкура Цунэнага) // Глокализация и миграция культур // Под ред. Масахито Ōдзава. Токио: Университет Сэйдзё, 2011. – 160 с. 石鍋真澄。支倉常長の肖像画に関する一考察 // グローカリゼーションと文化移転 // 小澤正人編。東京、成城大学、２０１１年。－１６０頁。

11. Эбисава Аримити. Нихон кириситан си (История раннего японского христианства). Токио: Ханавасёбō, 1966. – 338 с. 海老沢有道。日本キリシタン史。東京、塙書房、１９６６年。３３８頁。
12. Кōдзиэн (Толковый словарь). Под ред. Симмура Идзуру. Токио: Иванами Сётэн, 2008. – 3458 с. 広辞苑。新村出編。東京、岩波書店、２００８年。３４５８頁。
13.Кокуси дайдзитэн (Большой словарь по истории Японии). Том 4. Под ред. Сакамото Тарō. Токио: Ёсикава Кōбункан, 1984. – 1098 с. 国史大事典。第４巻。坂本太郎編。東京、吉川弘文館、１９８４年。－１０９８頁。
14.Нагасаки кэн си: Тайгай кōсē хэн (История префектуры Нагасаки: Внешние контакты). Токио: Сансю̄ся, 1985. – 913 с. 長崎県史。対外交渉編。東京、三秀舎、１９８５年。－９１３頁。
15.Нагасима Сōитирō. Нихонси но нака но кирисутокē (Христианство в истории Японии). Киото: PHP Кэнкю̄дзё, 2012. – 223 с. 長島総一郎。日本史のなかのキリスト教。京都：PHP 研究所、２０１２年。２２３頁。
16.Мориока Ёсико. Сэкайси но нака но Дэдзима: Нитиō цӯкō уэ Нагасаки но хатасита якувари (Дэдзима в мировой истории: Роль, которую играл Нагасаки в связях Японии с Европой). Нагасаки: Нагасаки Бункэнся, 2006. – 199 с. 森岡美子。世界史の中の出島―日欧通交史上長崎の果たした役割。長崎、長崎文献社、２００６年。－１９９頁。

на английском языке:

17.Boxer C. The Christian Century in Japan. 1549-1650. Manchester: Carcanet Press, 1993. – 552 p.

18. Brown J. Courtiers and Christians: The First Japanese Emissaries to Europe // Renaissance Quarterly, Vol. 47. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – pp. 872-906.
19. Donald F. L. Asia in the Making of Europe. Volume 1 (The Century of Discovery). – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 967 p.
20. Elison G. Deus destroyed: the image of Christianity in early modern Japan. Cambridge: Harvard University Press, 1973. – 544 p.
21. Goodman G. Japan and the Dutch. Richmond, Curzon Press, 2000. – 235 p.
22. Kish G. Some Aspects of the Missionary Cartography of Japan during the Sixteenth Century // Imago Mundi, Vol. 6. London: Routledge, 1949. – pp. 39-47.
23. Murdoch J. A History Of Japan. Vol. 2. During The Century Of Early Foreign Intercourse, 1542 – 1651. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, 1925. – 743 p.
24. Murdoch J. A History Of Japan. Vol. 3. The Tokugawa Epoch, 1652 – 1868. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, 1926. – 829 p.
25. Nakane C., Oishi S. Tokugawa Japan. The Social and Economic Antecedents of Modern Japan. Tokyo: University of Tokyo Press, 1991. – 239 p.
26. Nosco P. The Experiences of Christians during the Underground Years and Thereafter // Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 34. Nagoya: Nanzan Unviversity, 2007. – pp. 85-97.
27. Sansom G. A history of Japan. Vol. 2 (1334-1615). London: The Cresset Press, 1961. – 442 p.
28. Sansom G. A history of Japan. Vol. 3 (1615-1867). Tokyo: Tuttle, 1984. – 258 p.
29. The Cambridge History of Japan. Vol.4. Early Modern Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 812 p.
30. The Jesuits II: Cultures, Sciences, and the Arts, 1540 – 1773 / Ed. John W. O'Malley. Toronto: University of Toronto Press, 2006. – 907 p.

31. Whelan C. Religion Concealed. The Kakure Kirishitan on Narushima // Monumenta Nipponica, Vol. 47. Tokyo: Sophia University, 1992. – pp. 369-387.